

Генеральный штабъ въ теоріи и въ жизни.

Въ №№ 9 и 10 «Извѣстій Императорской Николаевской военной академіи» г. О. Макшеевъ помѣстилъ статью «Служба германскаго генеральнаго штаба», цѣль которой «полнымъ очеркомъ дѣятельности германскаго генеральнаго штаба выяснитъ, въ чемъ дѣйствительно заключается его специальность» (№ 9, стр. 710). Академическій органъ отозвался, наконецъ, на этотъ наболѣвшій вопросъ, который, конечно, близко касается самой академіи и который она тѣмъ не менѣе упорно игнорировала въ то время, когда онъ обсуждался на страницахъ нашей періодической печати. Впрочемъ, и теперь появленіемъ труда г. О. Макшеева мы обязаны отнюдь не сознанию академіею своего долга высказаться по этому вопросу: оно вызвано чисто случайнымъ обстоятельствомъ — статьей анонимнаго автора о германскомъ генеральномъ штабѣ въ одномъ изъ нѣмецкихъ журналовъ (Ueberall, 1910), пересказъ которой и предлагается г. О. Макшеевымъ на страницахъ «Изв. Имп. Ник. в. ак.». Хотя и не совсѣмъ ясно, желаетъ ли онъ выяснитъ специальность генеральнаго штаба вообще или только германскаго генеральнаго штаба, но, во всякомъ случаѣ, нельзя не привѣтствовать его статьи: помѣщенная въ нашемъ академическомъ органѣ, она какъ бы прикрыта авторитетомъ академіи и, слѣдовательно, можетъ быть принята за выраженіе ея взглядовъ по этому вопросу.

Своей статьёй г. О. Макшеевъ предпосылаетъ нѣсколько словъ, въ которыхъ упоминаетъ, между прочимъ, о моемъ сочиненіи, посвященномъ выясненію специальности генеральнаго штаба ¹⁾. Онъ находитъ, что примѣненіе умозрительнаго метода къ рѣшенію организационныхъ вопросовъ — путь ненадежный: избирающіе его обыкновенно сбиваются на предвзятую мысль и строятъ на ней цѣлую теорію, которую и рекомендуютъ для примѣненія къ жизни; но теорія оказывается фальшивой, подбираемые для подтвержденія ея факты получаютъ ложное освѣщеніе и, въ концѣ концовъ, жизнь отвергаетъ такую теорію. Такъ вышло, будто бы, и въ моемъ сочиненіи. По мнѣнію г. О. Макшеева, приведенные въ немъ примѣры изъ иностранныхъ армій нисколько не подтверждаютъ моихъ выводовъ, «такъ какъ ни въ одной арміи генеральнаго штаба съ такой узкой специальностью ²⁾ нѣтъ»; только, «смотря черезъ очки своей предвзятой теоріи», я могу утверждать, «будто бы германскій генеральный штабъ все же въ нѣкоторой мѣрѣ подтверждаетъ ее и, эволюционируя со временъ Клаузевица, въ настоящее время уже болѣе приближается къ этой теоріи» (Изв. ³⁾, № 9, стр. 710).

Мнѣ, конечно, не приходится отвѣчать здѣсь на совершенно голословныя, ничѣмъ не подтверждаемыя заявленія г. О. Макшеева о непримѣняемости метода изслѣдованія, котораго я держался въ своемъ сочиненіи, равно какъ и о несостоятельности моей «теоріи» всѣ вообще. Скажу лишь, что нынѣ я больше, чѣмъ когда-нибудь, имѣю основанія считать примѣненный мною методъ вполне научнымъ, а добытое при его помощи рѣшеніе вопроса о специальности генеральнаго штаба единственно правильнымъ и научно обоснованнымъ: вѣдь до настоящаго времени выводы, къ которымъ я пришелъ въ своей книгѣ, остаются непровергнутыми. Тѣмъ не менѣе, я не могу оставить безъ вниманія статью г. О. Макшеева: она даетъ мнѣ удобный случай еще разъ показать, что «дѣйствительные факты» не только не противорѣчатъ выводамъ моей книги, но, наоборотъ, подтверждаютъ ихъ самымъ категорическимъ образомъ и что въ германскомъ генеральномъ штабѣ, признаваемомъ наиболѣе совершеннымъ въ настоящее время, полнѣе, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ, осуществлены и проведены въ жизнь тѣ начала, которыя вытекаютъ изъ установленной въ книгѣ моей специальности генеральнаго штаба.

¹⁾ Э. Х. Калининъ. Генеральный штабъ и его специальность. Одесса. 1909 г.
²⁾ Т. е. изученіе противника. ³⁾ «Изв.» — сокращенное названіе «Извѣстія Императорской Николаевской военной академіи».

Умозрительнымъ путемъ, который, по странному представленію г. О. Макшеева, доступенъ почему-то только гениальному уму и которымъ, будто бы, только гениальный умъ можетъ подойти и то лишь подойти! — къ истинѣ, я пришелъ къ выводу, что специальность генеральнаго штаба заключается въ изученіи противника (Э. Х. К. ⁴⁾, стр. 20—35) — «и только», прибавляетъ г. О. Макшеевъ (Изв. № 9, стр. 709). Это «и только» весьма характерно: оно свидѣтельствуетъ, съ одной стороны, что авторъ, подобно большинству моихъ критиковъ, не далъ себѣ труда вдуматься въ важное, доминирующее значеніе, которое имѣетъ въ современномъ военномъ дѣлѣ знаніе противника; а съ другой — не пожелалъ обратить вниманія на тѣ страницы моей книги, гдѣ я пытался освѣтить этотъ вопросъ, ни на тѣ, гдѣ разъяснялъ, какое широкое значеніе я придаю этому термину. Вѣдь я не выдумалъ, ни съ того, ни съ сего, предлагаемаго мною рѣшенія; это не «предвзятая мысль», не «предвзятая теорія», какъ говоритъ г. О. Макшеевъ: это, хотя и добытый «путемъ разсужденій», но вполне обоснованный выводъ изъ предпосылокъ, которыя мнѣ кажутся неоспоримыми. При такихъ условіяхъ нельзя отвергать его только потому, что онъ кажется «узкимъ, однобокимъ», какъ то дѣлаетъ г. О. Макшеевъ: для этого его слѣдовало бы разобрать, подвергнувъ безпристрастной критикѣ предпосылки, принятыя мною за аксіомы, и заключенія, выводимыя изъ нихъ, доказать несостоятельность первыхъ или ошибочность вторыхъ и потомъ уже заключать о непригодности моихъ выводовъ. Тогда и споровъ никакихъ не могло бы быть. Къ сожалѣнію, никто изъ авторовъ, удостоившихъ мою книгу своимъ вниманіемъ, не задалъ себѣ этого труда, что и даетъ мнѣ право считать это свое положеніе непровергнутымъ, а заявленія въ родѣ дѣлаемаго г. О. Макшеевымъ, что «теорія эта фальшива и нежизненна», — голословными, ничѣмъ не доказанными.

Изъ представленія о генеральномъ штабѣ, какъ специальномъ органѣ для изученія противника, я вывожу (Э. Х. К., стр. 79—94) основы его организаци. Это, конечно, «умозрительный путь»; но вотъ что даетъ онъ относительно большаго генеральнаго штаба (Э. Х. К., стр. 92—93). «Большой генеральный штабъ... является учрежденіемъ, въ которомъ въ полной мѣрѣ осуществляется вся важная разносторонняя работа генеральнаго штаба, связанная съ изученіемъ противника и вытекающая изъ него. Онъ изучаетъ

⁴⁾ Э. Х. К. — сокращеніе названія: Э. Х. Калининъ. Генеральный штабъ и его специальность.

жизнь сосѣднихъ народовъ, старается выяснитъ ихъ историческія задачи и политическія условія, въ которыя они поставлены, разрабатываетъ вопросы военной географіи и статистики сосѣднихъ странъ, изучаетъ ихъ арміи, изслѣдуетъ во всѣхъ отношеніяхъ театры будущихъ столкновеній и пытается выяснитъ наиболѣе вѣроятный образъ дѣйствій непріятеля. Изъ этого изученія онъ дѣлаетъ выводы, съ одной стороны, касательно подготовки театра войны въ инженерномъ отношеніи и улучшенія на немъ средствъ сообщенія, съ другой—касательно плана и способа веденія на немъ операций. вмѣстѣ съ тѣмъ изученіе противника даетъ генеральному штабу указанія и на то сопротивленіе, которое армія встрѣтитъ на войнѣ, освѣдомляетъ его о вооруженіи и снабженіи будущаго врага, объ имѣющихся у него техническихъ средствахъ, о практикуемыхъ имъ тактическихъ приѣмахъ и исповѣдуемыхъ имъ стратегическихъ ученіяхъ, о духѣ и дисциплинѣ его войскъ и т. д. Эти свѣдѣнія даютъ мѣрило, съ которымъ слѣдуетъ сообразоваться при подготовкѣ своей арміи⁵⁾, и потому во всѣхъ вопросахъ, касающихся ея организаціи, вооруженія, снабженія, ея тактической подготовки и т. д., генеральный штабъ долженъ имѣть право высказать свое вѣское мнѣніе. Но только мнѣніе, не болѣе: рѣшающій голосъ во всякомъ случаѣ долженъ принадлежать тому, кто стоитъ во главѣ арміи, руководитъ ея подготовкой и отвѣчаетъ за нее—военному министру».

Вотъ выводъ относительно функцій большого генеральнаго штаба, вытекающій изъ признанія его специальностью изученія противника. Теперь взглянемъ, что даетъ намъ сама жизнь, каковы функціи большого генеральнаго штаба въ германской арміи. Въ статьѣ г. Ѳ. Макшеева объ этомъ ничего не говорится. Но въ

⁵⁾ Что выработка способовъ веденія войны вытекаетъ изъ изученія противника, можно повсѣмъ и примѣрами изъ исторіи. Вотъ, напримѣръ, нѣсколько словъ изъ статьи г. В. М. Козюбакина «Воспоминанія гр. К. К. Бенкендорфа о кавказской дѣтней экспедиціи 1845 г.», въ майской книжкѣ «Русской Старинѣ» 1910 г. Рѣчь идетъ о генералѣ Вельяминовѣ. «...это онъ указалъ намъ систему и способы веденія войны въ этомъ краѣ (на Кавказѣ), это онъ преподавалъ намъ принципы веденія здѣсь войны и указалъ ихъ примѣненіе, и можетъ быть именно потому, что онъ самъ всегда слѣдовалъ этимъ принципамъ, онъ былъ здѣсь единственнымъ генераломъ, никогда не испытавшимъ неудачи и всегда достигавшимъ разѣ поставленной имъ цѣли. Все это слѣдуетъ объяснить еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что никто лучше и основательнѣе его не постигъ свойствъ театра войны, особенности условій веденія здѣсь войны и свойствъ и качествъ нашего здѣсь противника».—Аналогичная характеристика Скобелева дана въ моей книгѣ: «Генеральный штабъ и его специальность» стр. 42—46. Такіе примѣры показываютъ, какъ далеко захватываетъ все военное дѣло эта «указан» специальность—изученіе противника.

ноябрьской книжкѣ французскаго военнаго журнала «Revue militaire des armées étrangères» за 1910 годъ помѣщена статья «La carrière de l'officier d'état-major allemand», составленная по той же статьѣ нѣмецкаго журнала «Ueberall», которою воспользовался и г. Ѳ. Макшеевъ. Обѣ статьи сходны поэтому между собою по содержанию, мѣстами даже въ деталяхъ; но во французской имѣются нѣкоторыя подробности, которыхъ нѣтъ у русскаго автора, въ томъ числѣ хотя и общія, но интересныя данныя о функціяхъ германскаго большого генеральнаго штаба и его начальника. Вотъ какъ обрисованы эти функціи французскимъ авторомъ (Revue⁶⁾, стр. 337). «Въ общемъ, можно сказать, что назначеніе германскаго генеральнаго штаба заключается единственно въ подготовкѣ къ войнѣ. Въ соотвѣтствіи съ этимъ главной задачей начальника генеральнаго штаба арміи въ мирное время является изученіе употребленія войскъ на войнѣ и подготовка перевозки и сосредоточенія ихъ на различные театры войны.—«Начальникъ генеральнаго штаба арміи со своими офицерами, говоритъ Бронзаръ фонъ Шеллендорфъ, подготовляетъ заблаговременно планы всѣхъ войнъ, которыхъ можно ожидать въ будущемъ, слѣдитъ за успѣхами военнаго дѣла въ арміяхъ сосѣдей и въ тоже время изучаетъ театры военныхъ дѣйствій; вмѣстѣ они изслѣдуютъ способы веденія войны»... Съ другой стороны, начальникъ генеральнаго штаба арміи докладываетъ государю, верховному вождю ея, которому онъ подчиненъ непосредственно, свои пожеланія, вытекающія изъ производимыхъ имъ самимъ или подъ его руководствомъ изслѣдованій⁷⁾ и касающіяся организаціи, обученія, численнаго состава, дислокаціи и мобилизаціи арміи; при этомъ онъ принимаетъ участіе въ разработкѣ только маневровъ, передвиженія войскъ, службы желѣзныхъ дорогъ и техническихъ вопросовъ своей специальной области; что же касается разработки прочихъ мѣропріятій, то она цѣликомъ лежитъ на военномъ министерствѣ, органѣ чисто административнаго характера».

Если сравнить эту характеристику функцій германскаго большого генеральнаго штаба съ тою, которая процитирована выше изъ моей книги и относится къ большому генеральному штабу вообще, то по существу между ними нельзя найти никакой разницы. Правда, въ основу всей дѣятельности большого генераль-

⁶⁾ Revue—сокращенное обозначеніе названія: Revue militaire des armées étrangères. Novembre. 1910. ⁷⁾ Куренъ мой.

наго штаба у меня положено изучение противника, тогда какъ въ германскомъ генеральномъ штабѣ какъ будто ничто другое, подготовка къ войнѣ. Но если вдуматься въ послѣднее выраженіе, то окажется, что его нужно понимать въ ограниченномъ смыслѣ, отбросивъ всю ту сторону подготовки къ войнѣ, которая касается собственной арміи и которая, какъ видно изъ послѣдующихъ словъ, относится къ сферѣ вѣдѣнія военного министра. И тогда подготовка къ войнѣ, поскольку она лежитъ на генеральномъ штабѣ, сведется къ подготовкѣ къ операціямъ, которая находится во всѣхъ отношеніяхъ въ самой тѣсной связи съ изученіемъ противника. Этимъ устанавливается полное тождество функций большого генеральнаго штаба, какъ онѣ опредѣлены теоретически въ моемъ изслѣдованіи и какъ выработались жизнью въ германскомъ большомъ генеральномъ штабѣ.

Особенно важно отмѣтить здѣсь совпаденіе черты, разграничивающей сферы вѣдѣнія генеральнаго штаба и военного министра: не только въ моей теоріи, но и на практикѣ въ германской арміи, предметами исключительнаго вѣдѣнія генеральнаго штаба являются изученіе противника и вытекающіе изъ него вопросы подготовки къ войнѣ и операціямъ, тогда какъ всѣмъ, что касается собственной арміи, полновластно распоряжается военный министръ. Къ числу предметовъ, подлежащихъ вѣдѣнію послѣдняго, отнесены въ Германіи, по свѣдѣніямъ французскаго автора, организація войскъ, ихъ обученіе, численный составъ, дислокація и мобилизація. Въ параллель этому и въ моей книгѣ, напримѣръ, на стр. 137, указывается, что «установленіе специальности генеральнаго штаба освобождаетъ его отъ цѣлага ряда функций, только по недоразумѣнію лежащихъ на немъ... Такими несвойственными генеральному штабу функциями нужно признать: руководство обученіемъ и службою войскъ (строевыя отдѣленія окружныхъ штабовъ), завѣдываніе путями сообщенія, передвиженіемъ и перевозкою войскъ (управленія военныхъ сообщеній, главное и окружныя), разработку мобилизаціонныхъ плановъ (мобилизаціонный отдѣлъ Главнаго управленія генеральнаго штаба, мобилизаціонныя отдѣленія окружныхъ штабовъ), наконецъ, подготовку высшихъ начальниковъ и офицеровъ къ боевой дѣятельности путемъ лекцій, тактическихъ занятій, военныхъ игръ, полевыхъ поѣздокъ и т. п. (всѣ вообще офицеры генеральнаго штаба по господствующему взгляду на нихъ)». По этимъ предметамъ, какъ говоритъ французскій авторъ, генеральному штабу предоставлено только право высказывать свои *deside-*

rata или, какъ подчеркнуто въ приведенной выше выпискѣ изъ моей книги, высказывать свое мнѣніе, оставляя рѣшающей голосъ за военнымъ министромъ.

Кажется, болѣе полного совпаденія выводовъ теоріи съ данными практики трудно себѣ и представить. Только одно обстоятельство можетъ, пожалуй, потребовать себѣ объясненія. Относя обученіе войскъ, ихъ дислокацію и мобилизацію къ сферѣ вѣдѣнія военного министра, практика германскаго генеральнаго штаба предоставляетъ, однако, этому послѣднему участіе въ разрѣшеніи вопросовъ, касающихся маневровъ, передвиженія войскъ и службы желѣзныхъ дорогъ. Очевидно, привлеченіе генеральнаго штаба къ рѣшенію этихъ вопросовъ вызвано не тѣмъ, что они входятъ въ кругъ его специальности, а чисто практическими потребностями. Истинными специалистами по желѣзнодорожному дѣлу нужно, конечно, признать чиновъ вѣдомства путей сообщенія, обычно руководящихъ работой желѣзныхъ дорогъ, и врядъ-ли можно сомнѣваться, что они сумѣли бы вполне успѣшно справиться и со всякими задачами по массовой перевозкѣ войскъ и военныхъ грузовъ. Если же тѣмъ не менѣе признано нужнымъ перевозку войскъ по желѣзнымъ дорогамъ возложить на военное вѣдомство въ лицѣ большого генеральнаго штаба, то лишь по необходимости обезпечить надежнѣйшимъ образомъ столь важный элементъ успѣха на войнѣ, какъ быструю и безпрепятственную перевозку войскъ въ тотъ или другой районъ театра военныхъ дѣйствій, какъ при первоначальномъ сосредоточеніи арміи, такъ и въ послѣдующіе періоды войны.

Маневры, поскольку они составляютъ одинъ изъ видовъ упражненія войскъ, должны быть цѣликомъ въ рукахъ начальника, отвѣтственнаго за обученіе своей части; поэтому они также, повидимому, не считаются въ Германіи специальнымъ дѣломъ генеральнаго штаба, а разрабатываются имъ по указаніямъ строевого начальства. Привлекая же къ этому дѣлу генеральный штабъ, германцы, можетъ быть, имѣютъ въ виду, что маневры наряду съ военной игрой и полевыми поѣздками являются единственными упражненіями, гдѣ начальникамъ приходится учитывать дѣйствія противника; поэтому участіе въ нихъ генеральнаго штаба, пожалуй, естественно и необходимо и притомъ столько же для строевыхъ начальниковъ, сколько—и, можетъ быть, еще въ большей степени—для самого генеральнаго штаба, которому этими упражненіями дается возможность испытать свою подготовленность по своей спе-

ціальности въ обстановкѣ, возможно близкой къ обстановкѣ военного времени.

Пойдемъ далѣе. Однимъ изъ основныхъ положеній моей книги, вытекающихъ изъ представленія о генеральномъ штабѣ, какъ спеціальномъ органѣ для изученія противника, является выводъ, что «генеральный штабъ есть учрежденіе научнаго характера» (Э. Х. К., стр. 79—80); а такъ какъ идея генеральнаго штаба полнѣе всего осуществляется въ большомъ генеральномъ штабѣ, то очевидно, что и онъ долженъ имѣть характеръ чисто научнаго учрежденія. Эти положенія я старался пояснить и подкрѣпить какъ нѣкоторыми общими соображеніями (Э. Х. К., стр. 80—84 и др.), такъ и примѣромъ германскаго генеральнаго штаба (Э. Х. К., стр. 102—104). Теперь цитированная выше статья французскаго автора позволяетъ мнѣ подкрѣпить эти доводы еще другими данными, убѣдительнѣйшимъ образомъ подтверждающими научный характеръ германскаго большого генеральнаго штаба и рельефно подчеркивающими въ высшей степени важное значеніе, которое именно научная сущность его имѣетъ для всей арміи.

Дѣло въ томъ, что помимо назначенія германскаго большого генеральнаго штаба, какъ спеціальнаго органа для изученія противника, или, если угодно, для подготовки къ войнѣ, понимая подготовку въ указанномъ выше ограниченномъ смыслѣ, авторъ статьи «La carrière de l'officier d'état-major allemand», о которой упомянуто выше и изъ которой я почерпаю приводимыя здѣсь свѣдѣнія о германскомъ генеральномъ штабѣ, указываетъ еще другое его назначеніе—давать общее направленіе обученію арміи. «Большой генеральный штабъ, говоритъ онъ, наставляетъ молодыхъ офицеровъ, ежегодно прикомандировываемыхъ къ нему по окончаніи курса военной академіи, и пропитываетъ ихъ своей доктриной; впоследствии онъ снова привлекаетъ ихъ либо на короткое время для какихъ-либо тактическихъ работъ, либо на болѣе продолжительное для несенія службы въ немъ, и тѣмъ даетъ имъ возможность еще разъ окунуться въ самый источникъ этой доктрины; онъ организуеъ въ широкомъ масштабѣ военные игры, въ которыхъ принимаютъ участіе и офицеры генеральнаго штаба изъ войсковыхъ штабовъ; издаетъ труды, которые также имѣютъ цѣлью распространять его доктрину и держать какъ высшихъ начальниковъ и генеральный штабъ, такъ черезъ нихъ и всю армію, въ курсѣ новыхъ идей. Такимъ образомъ, генеральный штабъ по истинѣ является средоточіемъ всего обученія арміи, центромъ воздѣйствія,

достаточно могущественнымъ, чтобы распространить свою доктрину, заставить принять ее и требовать ея приложенія. Словомъ, генеральный штабъ—жизненное начало, которое одушевляетъ весь организмъ арміи общою интеллектуальною жизнью». (Revue, стр. 340).

Для лучшаго выясненія характера работы большого генеральнаго штаба по распространенію въ войскахъ его доктрины я позволю себѣ привести еще двѣ-три выписки изъ той же статьи.

Не вдаваясь въ подробную характеристику преподаванія въ берлинской военной академіи, авторъ статьи напоминаетъ лишь, что «въ планѣ академическаго преподаванія предметы общеобразовательнаго характера занимаютъ сравнительно важное мѣсто, дополняя знанія, въ нѣкоторомъ отношеніи довольно элементарныя, вынесенныя въ свое время слушателями академіи изъ военныхъ училищъ. Что же касается до преподаванія собственно военныхъ предметовъ, то оно имѣетъ цѣлью наметить «академикамъ» направленіе ихъ работъ, обезпечить *единство доктрины*, указать основныя начала, которыя, путемъ многочисленныхъ прикладныхъ упражненій (конкретные случаи), тактическихъ работъ на картѣ и въ полѣ, войдутъ «въ плоть и кровь» обучаемыхъ». (Revue, стр. 330—331).

Говоря о занятіяхъ офицеровъ, прикомандированныхъ къ большому генеральному штабу, авторъ сообщаетъ, что они «не только развиваютъ знанія прикомандированныхъ, но имѣютъ въ виду и другую цѣль: въ особенности занятія, которыми руководитъ лично начальникъ большого генеральнаго штаба, должны распространить среди всѣхъ высшихъ начальниковъ и вообще во всей арміи его пониманіе веденія войны и управленія войсками. Вотъ почему въ этихъ занятіяхъ принимаютъ участіе не только офицеры большого генеральнаго штаба въ Берлинѣ, но и войсковыхъ штабовъ, т. е. офицеры генеральнаго штаба корпусовъ, дивизій, нѣкоторыхъ управленій и крѣпостей. Критическія замѣчанія начальника большого генеральнаго штаба, которыя излагаются обыкновенно въ письменной формѣ и распространяются въ военныхъ кругахъ, среди причастныхъ къ дѣлу лицъ, становятся на долгое время обычною темою для разговоровъ, такъ что затрагиваемые и разсматриваемые имъ вопросы обсуждаются и изучаются затѣмъ со всѣхъ сторонъ». (Revue, стр. 333—334).

Отмѣтивъ, что ни одинъ офицеръ, кончившій академію и имѣющій данныя сдѣлаться офицеромъ генеральнаго штаба, не назна-

чается сразу на службу въ штабы корпусовъ, дивизій и т. п., авторъ прибавляетъ: Въ Германіи «признается необходимымъ, чтобы офицеръ до полученія какого-либо назначенія по генеральному штабу успѣлъ проникнуться до мозга костей *духомъ большого генеральнаго штаба*, и это для того, чтобы возможно совершеннымъ образомъ было обеспечено *единство доктрины*. Трехлѣтнее пребываніе въ военной академіи (академія подчинена непосредственно начальнику большого генеральнаго штаба), затѣмъ годичное, двухлѣтнее и трехлѣтнее прикомандированіе къ большому генеральному штабу составляютъ въ общемъ четыре года, а чаще пять или шесть лѣтъ, непрерывнаго воздѣйствія въ одномъ и томъ же духѣ, которое, впрочемъ, сверхъ того будетъ чувствоваться и въ теченіе всей карьеры офицера генеральнаго штаба». (Revue, стр. 335—336).

Для того, чтобы та или другая доктрина могла быть подобнымъ образомъ распространяема въ арміи, чтобы она могла быть прочно усвоена массою образованныхъ, развитыхъ людей, чтобы могла преемственно передаваться отъ одного начальника большого генеральнаго штаба къ другому, необходимо, чтобы правильность ея была для всѣхъ внѣ всякаго сомнѣнія: ея не внѣдришь въ умы людей предписаніями, она должна имѣть свою внутреннюю убѣдительность, логическую необходимость; она должна быть научно обоснованной. Совершенно очевидно поэтому, что установленіе доктрины и распространеніе ея въ арміи можетъ быть по силамъ только чисто научному учрежденію, какимъ по существу и является большой генеральный штабъ германской арміи.

Высокій научный уровень, который требуется отъ большого генеральнаго штаба для выполненія его основнаго назначенія—изученія противника, позволяетъ ему успѣшно справляться и со второю своею задачею. Руководя научными работами бывшихъ питомцевъ военной академіи по разнообразнѣйшимъ отраслямъ военныхъ знаній, отъ этимъ путемъ прививаетъ имъ прочно и надежно, на всю жизнь, правильные, научно установленные взгляды на основныя начала военнаго дѣла и научный методъ разрѣшенія всякаго рода военныхъ задачъ. И такъ какъ огромное большинство этихъ офицеровъ,—вѣрнѣе, всѣ они—значительную часть своей службы проводятъ въ строю и заканчиваютъ свою карьеру на высшихъ строевыхъ должностяхъ, то именно черезъ нихъ, какъ строевыхъ начальниковъ, а не какъ офицеровъ генеральнаго штаба, и проникаетъ во всѣ слои арміи та доктрина, выработка и распространеніе которой составляетъ одно изъ назначеній большого

генеральнаго штаба. Такая постановка дѣла даетъ большому генеральному штабу возможность оказывать сильное и существенное влияніе на всю подготовку арміи и въ то же время совершенно устранить себя отъ вмѣшательства въ работу строевыхъ начальниковъ, которые отвѣтственны за подготовку своихъ частей и потому должны имѣть возможность единолично и полновластно руководить ею. Такъ удачно разрѣшенъ въ германской арміи одинъ изъ труднѣйшихъ организаціонныхъ вопросовъ—дать генеральному штабу серьезное влияніе на всю подготовку арміи, чтобы поставить ее на прочныхъ, научныхъ началахъ, и въ то же время не нарушить правъ военнаго министра и строевыхъ начальниковъ на полноту власти въ дѣлѣ подготовки вѣренныхъ имъ частей. Такая постановка дѣла оказалась возможной, лишь благодаря чисто научному характеру большого генеральнаго штаба.

Само собою понятно, что второе назначеніе большого генеральнаго штаба—пропитывать армію здоровыми, научно обоснованными началами военнаго дѣла и прививать ей научные методы рѣшенія вынадающихъ на ея долю задачъ—никакъ нельзя непосредственно вывести изъ основной функціи генеральнаго штаба—изученія противника. Но вѣдь генеральный штабъ и не создавался ради второй своей задачи и въ дѣйствительности нигдѣ, кромѣ германской арміи, онъ и не имѣетъ такого назначенія; да и въ Германіи, кажется, нигдѣ объ этомъ прямо не говорится. Только высокій научный уровень германскаго большого генеральнаго штаба, создавшійся подъ влияніемъ ясно сознанныхъ требованій, которыя возлагаетъ на него выполненіе его первой, основной, задачи—изученія противника, позволилъ ему взяться за вторую задачу и съ успѣхомъ разрѣшить ее. Тамъ же, гдѣ научный характеръ генеральнаго штаба отрицается, гдѣ назначеніе его видятъ въ чемъ бы то ни было другомъ, кромѣ изученія противника, тамъ никакое влияніе его на армію немислимо и никакой доктрины въ нее не можетъ быть проведено.

Генеральный штабъ, по теоріи, въ мирное время, «безъ всякаго ущерба для дѣла можетъ отсутствовать при отдѣльныхъ войсковыхъ частяхъ, дивизіяхъ, корпусахъ, округахъ, гдѣ ему нечего дѣлать по его спеціальности», такъ какъ «въ мирное время противника для отдѣльныхъ войсковыхъ единицъ не существуетъ» (Э. Х. К., стр. 91). Но этотъ выводъ, неоспоримый съ точки зрѣнія теоріи, на практикѣ подвергается значительной поправкѣ, такъ какъ стояція на границѣ государства войска нуждаются въ изуче-

нин определеннаго противника, почему имъ и приходится придавать генеральный штабъ, на который и возлагается эта специальная функция (Э. Х. К., стр. 92—93, 136). Въ военное же время, «если необходимость генеральнаго штаба при главнокомандующемъ и командующихъ арміями стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія, то вопросъ о томъ, нуждаются ли на войнѣ начальники дивизій и даже корпусные командиры въ специальномъ органѣ для изученія противника, не поддается теоретическому рѣшенію; поэтому здѣсь рѣшающій голосъ надо предоставить указаніямъ практики» (Э. Х. К., стр. 91). Такимъ образомъ, по теоріи, въ арміи долженъ быть и войсковой генеральный штабъ, хотя и съ болѣе ограниченнымъ кругомъ дѣятельности, чѣмъ въ большомъ генеральномъ штабѣ: ему не можетъ быть предоставлено ни совѣщательнаго голоса при выработкѣ положеній, уставовъ, инструкцій, наставленій, всего, что направляетъ подготовку арміи къ войнѣ, ни воздѣйствія на войска въ смыслѣ проведенія въ нихъ той или другой доктрины, такъ какъ это лежитъ на обязанности строевыхъ начальниковъ.

Указать изъ практики тѣ функции войскового генеральнаго штаба, которыя составляютъ специальность генеральнаго штаба, представляется затруднительнымъ. Въ то время, какъ большой генеральный штабъ самостоятельное, стоящее въ извѣстномъ смыслѣ внѣ арміи, учрежденіе со своими специальными функциями и съ независимымъ отъ военнаго министра начальникомъ во главѣ, войсковой генеральный штабъ слить очень тѣсно и прочно со штабами войсковыхъ частей и лишень всякой самостоятельности. По г. Э. Макшееву (Изв. № 9, стр. 716), въ корпусномъ штабѣ, кромѣ начальника его, «имѣются еще два офицера генеральнаго штаба. Изъ нихъ старшій (штабъ-офицеръ) вѣдаетъ мобилизаціонными вопросами и маневрами, а младшій (капитанъ) вопросами по призыву новобранцевъ, по учебнымъ сборамъ запасныхъ, картами, крѣпостными вопросами и проч.; онъ въ то же время какъ бы адъютантъ начальника штаба (обыкновенно въ чинѣ полковника, рѣдко генераль-майоръ), сопутствуя ему при объѣздахъ зимнихъ занятій и на полевыхъ поѣздкахъ. Оба офицера генеральнаго штаба, въ общей очереди съ адъютантами, сопровождаютъ корпуснаго командира при его смотровыхъ объѣздахъ, поѣздкахъ на занятія войскъ и на маневрахъ». Французскій авторъ (Revue, стр. 341—343) даетъ нѣсколько болѣе подробныя свѣдѣнія о распредѣленіи дѣлопроизводства между офицерами въ корпусномъ штабѣ съ нѣкоторыми характерными особенностями веденія ихъ.

Въ корпусномъ штабѣ четыре отдѣленія. 1-е генеральнаго штаба, гдѣ служатъ два, а иногда три офицера генеральнаго штаба, вѣдаетъ передвиженіемъ, расквартированіемъ, обученіемъ и маневрами войскъ, рекогносцировками для маневровъ, поѣздками генеральнаго штаба, тактическими занятіями, мобилизаціей и железнодорожными перевозками, политическими дѣлами; оно слѣдитъ за силами, состояніемъ и распредѣленіемъ сосѣднихъ иностранныхъ армій; вѣдаетъ перепиской касательно уставовъ и тактическаго обученія разныхъ родовъ войскъ, организаціонными вопросами и вооруженіемъ крѣпостей, картами и рекогносцировками, зимними работами офицеровъ и вопросами по развитію ихъ знаній.

Во 2-мъ отдѣленіи, адъютантскомъ, гдѣ имѣется 2 (или 3) офицера «адъютантуры» и одинъ штабъ-офицеръ изъ отставныхъ, сосредоточены слѣдующія дѣла: приказъ по корпусу, гарнизонная служба, суды чести, личный составъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ, дѣла дисциплинарнаго характера, награжденіе орденами, внутренняя служба войскъ, пополненіе новобранцами и запасными, увольненіе отъ службы, конскій составъ, оружіе и боевые припасы.

Кругъ вѣдѣнія 3-го, суднаго, и 4-го отдѣленія, въ которомъ ведется переписка по интендантской, санитарной, ветеринарной частямъ и по вопросамъ вѣдѣнія корпуснаго священника, понятенъ самъ собой.

Это распредѣленіе дѣлопроизводства по отдѣленіямъ не имѣетъ безусловнаго, неизмѣннаго характера: оно зависитъ отъ усмотрѣнія командира корпуса, также какъ и распредѣленіе дѣлъ каждаго отдѣленія между офицерами, служащими въ немъ. Перемена въ распредѣленіи дѣлъ между офицерами 1-го и 2-го отдѣленій признается даже полезной въ смыслѣ расширенія ихъ знаній и осуществляется естественнымъ образомъ въ случаѣ отсутствія кого-либо изъ офицеровъ возложеніемъ его обязанностей на другого офицера того же отдѣленія. Съ другой стороны, въ случаѣ отсутствія начальника штаба и штабъ-офицера генеральнаго штаба должность перваго изъ нихъ замѣщается офицеромъ генеральнаго штаба, если онъ въ одномъ чинѣ съ офицерами адъютантуры, хотя бы и былъ моложе ихъ, и офицеромъ адъютантуры, если онъ чиномъ выше офицеровъ генеральнаго штаба.

По этимъ даннымъ трудно вывести какое-либо заключеніе о специальности офицеровъ генеральнаго штаба—они занимаются тѣмъ, что имъ поручено корпуснымъ командиромъ. Имъ въ корпусномъ штабѣ приходится работать надъ многими предметами,

которыхъ не знаетъ большой генеральный штабъ и которые тамъ, въ высшей инстанціи, относятся къ области вѣдѣнія военного министра. Уже это одно заставляеть думать, что въ этихъ предметахъ офицеры генеральнаго штаба выступаютъ не въ качествѣ специалистовъ, а въ несамостоятельной роли помощниковъ строевыхъ начальниковъ, къ сферѣ вѣдѣнія которыхъ эти предметы относятся, другими словами, выполняютъ чисто штабную работу. Вмѣстѣ съ тѣмъ тотъ фактъ, что корпусный командиръ можетъ по своему усмотрѣнію распредѣлять все дѣлопроизводство штаба между его чинами, также свидѣтельствуетъ, что, по господствующему мнѣнію, ни одна изъ отраслей его не требуетъ специальныхъ познаній, что всѣ онѣ по существу своему носятъ несамостоятельный характеръ штабной работы, работы посредника между начальникомъ и подчиненными ему войсками. Это подтверждается и тѣмъ, что замѣстителемъ начальника штаба (офицеръ генеральнаго штаба) при извѣстныхъ условіяхъ бываетъ офицеръ адъютантуры, а адъютантскую работу при корпусномъ командирѣ въ его занятіяхъ съ войсками несутъ безразлично офицеры какъ генеральнаго штаба, такъ и адъютантуры. Повторяю, что эти данныя не даютъ никакого основанія для выводовъ о специальности генеральнаго штаба именно потому, что онъ здѣсь не выступаетъ самостоятельно, а работаетъ въ подчиненной роли, въ составѣ штаба, такъ что является затруднительнымъ отдѣлить его штабную работу отъ работы по его специальности.

Въ штабѣ дивизіи, гдѣ нѣтъ начальника штаба, а имѣются лишь одинъ офицеръ генеральнаго штаба и одинъ—адъютантуры, первому, согласно г. О. Макшееву (Изв., стр. 719—720), открыто «широкое поле для дѣятельности по образованію войскъ»: онъ подготавливаетъ маневры и несетъ службу генеральнаго штаба на нихъ. Потомъ, очень труднымъ дѣломъ для офицера генеральнаго штаба дивизіи является... «составленіе маршрута объѣздовъ начальника дивизіи... Тутъ надо согласовать очень много условій... Нужно приэтомъ считаться съ привычками и вкусами начальника дивизіи, человѣка уже не первой молодости, чтобы онъ пріѣзжалъ въ каждую часть добрымъ и въ хорошемъ расположеніи духа, что весьма важно въ обоюдныхъ интересахъ». Вотъ и все «широкое поле для дѣятельности по образованію войскъ» въ штабѣ дивизіи! Французскій авторъ (Revue, стр. 343) говоритъ только, что «въ дивизіи распредѣленіе дѣлъ между офицеромъ генеральнаго штаба и офицеромъ адъютантуры соответствуетъ распредѣленію дѣло-

производства въ корпусномъ штабѣ между 1-мъ и 2-мъ отдѣленіями». Съ точки зрѣнія специальности генеральнаго штаба, штабъ дивизіи представляетъ столь же мало матерьяла для сужденія, какъ и штабъ корпуса. Но въ немъ можно еще лишній разъ найти подтвержденіе тому, что въ войсковыхъ штабахъ офицеры генеральнаго штаба несутъ не свою специальную, а чисто штабную службу: здѣсь еще чаще, чѣмъ въ корпусномъ штабѣ, представляется необходимость замѣщать офицера генеральнаго штаба его товарищемъ изъ адъютантуры, и въ этомъ не находятъ никакихъ неудобствъ, которые, конечно, сказались бы, если бы функціи офицера генеральнаго штаба въ штабѣ дивизіи требовали специальныхъ познаній. Правда, среди офицеровъ адъютантуры много такихъ, которые прошли курсъ академіи, а иные были даже въ теченіе одного года, а то и двухъ лѣтъ, прикомандированы къ большому генеральному штабу; но, съ другой стороны, есть и такіе офицеры, которые просто попали на свои мѣста изъ полковыхъ или баталіонныхъ адъютантовъ, что не мѣшаетъ имъ, однако, при случаѣ замѣщать своихъ товарищей изъ офицеровъ генеральнаго штаба.

Такимъ образомъ, и здѣсь оказывается полное совпаденіе указаній теоріи, что генеральному штабу нечего дѣлать въ войсковыхъ штабахъ по его специальности, съ данными практики, свидѣтельствующими, что офицеры войскового генеральнаго штаба несутъ лишенную всякой самостоятельности штабную и даже просто адъютантскую службу, которую при случаѣ съ успѣхомъ выполняютъ вмѣсто нихъ и офицеры адъютантуры. Неудивительно, поэтому, что почасти въ войсковой генеральный штабъ «составляетъ обыкновенно мечту молодыхъ капитановъ» и что «служба въ штабѣ дивизіи особенно любима офицерами генеральнаго штаба», но, конечно, не потому, что она «вполнѣ самостоятельна и вмѣстѣ съ тѣмъ отвѣтственна», какъ полагаетъ г. О. Макшеевъ, а какъ разъ наоборотъ—потому, что она несамостоятельна и мало отвѣтственна, значить, легка, а въ тоже время пріятна вслѣдствіе близости къ начальству и достигаемаго ею ускоренія производства. Вѣроятно, условіями производства и объясняется странный, казалось бы, съ перваго взгляда фактъ, что въ войсковыхъ штабахъ несутъ службу офицеры генеральнаго штаба, специальность которыхъ не находитъ себѣ тамъ примѣненія. Но объ этомъ будетъ сказано ниже.

Условія комплектованія генеральнаго штаба, какъ специального органа для изученія противника, опредѣляются его чисто научнымъ

характеромъ; они очерчены въ моей книгѣ слѣдующимъ образомъ: «Работающія надъ этимъ предметомъ (изученіемъ противника) лица должны быть знакомы со всѣми отраслями военного дѣла и хорошо понимать ихъ отношенія другъ къ другу; другими словами, они должны обладать широкимъ военнымъ образованіемъ»; это условіе вытекаетъ изъ характера предмета—изученія противника, подъ которымъ надо понимать совокупность разнообразныхъ элементовъ военного дѣла, стоящихъ на пути къ достиженію цѣли войны. «Но, для научной работы, одной такой подготовки (т. е. широкаго, академическаго образованія) недостаточно: она требуетъ прежде всего извѣстныхъ способностей—сильнаго ума и научнаго склада мышленія... Для научной специальности генеральнаго штаба способность логическаго, научнаго мышленія играетъ первостепенную роль, и она то должна рѣшать вопросъ о пригодности или непригодности офицера для этой службы. Такимъ образомъ, изъ массы офицеровъ, прошедшихъ курсъ академіи, должны отбираться для службы въ генеральномъ штабѣ только такіе, о пригодности которыхъ будутъ свидѣтельствовать ихъ работы научнаго характера... Поэтому окончаніе академіи, важное въ смыслѣ подготовки, не необходимо по существу дѣла, и среди офицеровъ, не побывавшихъ въ ней, могутъ быть такіе, способности которыхъ дѣлаютъ ихъ пригодными для службы въ генеральномъ штабѣ... Комплектованіе генеральнаго штаба должно основываться на подборѣ наиболѣе способныхъ къ этой службѣ» (Э. Х. К., стр. 88—89). «Теорія требуетъ, чтобы въ генеральный штабъ переводились люди не только извѣстнымъ образомъ подготовленные, но и обладающіе опредѣленными способностями къ этой службѣ—сильнымъ умомъ и научнымъ складомъ мышленія» (Э. Х. К., стр. 139).

Эти выведенныя «умозрительнымъ путемъ» условія комплектованія генеральнаго штаба, имѣя въ основаніи подборъ по способности къ научной работѣ, уже этимъ однимъ могутъ вызывать сомнѣніе въ своей практической примѣнимости въ нашемъ дѣлѣ, въ которомъ, какъ мы знаемъ со школьной скамьи, на первомъ планѣ должны всегда стоять волевыя свойства характера. И однако... «по поводу своего визита къ Мольтке Михаилъ Ивановичъ (Драгомировъ) рассказывалъ: ... Бросалось въ глаза, что Бисмаркъ во всемъ беретъ волей, энергіей, Мольтке же рѣшительно на все палаетъ печать своего ума,—яснаго, обширнаго и разностороннаго; этимъ изъ ряду выходящимъ умомъ онъ все порабощаетъ». («Русская Старина». Октябрь 1910 г. «М. П. Драгомировъ во

время Австро-Прусской войны». Э. Х. К. стр. 170). Этотъ отзывъ даровитаго наблюдателя о наиболѣе видномъ и типичномъ военномъ дѣятелѣ второй половины прошлаго вѣка, создателѣ современнаго генеральнаго штаба, отмѣчаетъ въ немъ присутствіе въ высокой степени того качества, котораго потребовало выступленіе въ эту эпоху на первый планъ науки и въ нашемъ чисто практическомъ, казалось бы, дѣлѣ. Типичнымъ полководцемъ для нашего времени будетъ не Наполеонъ, указывающій солдатамъ, что сорокъ вѣковъ смотреть на нихъ съ высоты пирамидъ, не Скобелевъ Верещагинской картины, радостно несущійся на бѣломъ конѣ передъ своими полками послѣ Шейновской побѣды и восторженно приветствуемый ими, а «великій молчальникъ» Мольтке, въ тишинѣ своего рабочаго кабинета въ Берлинѣ учитывающій всѣ шансы борьбы и систематически, на научныхъ основаніяхъ, подготовляющій будущія побѣды, или безстрашный Ояма, рассчитавшій до боя все, до его продолжительности включительно, а во время боя остающійся далеко позади своей арміи и дѣлящій свое время между перестановкой шашекъ на картѣ и прогулками, въ то время, какъ его штабъ забавляется игрою въ «го» («Русскій Инвалидъ» 1910 г. № 66: «Жизнь японской главной квартиры во время Мукденскаго сраженія»). Наука овладѣваетъ подготовкой къ войнѣ и руководствомъ войсками на поляхъ сраженій, и носителемъ ея въ арміи является генеральный штабъ, созданіе, проникнутаго научнымъ духомъ XIX вѣка, которое съ полнымъ основаніемъ можно назвать «мозгомъ арміи».

Такова теорія; и практика германскаго генеральнаго штаба вполнѣ подтверждаетъ ее. По г. О. Макшееву, «дорогу въ генеральный штабъ открываетъ прохожденіе черезъ военную академію». Французскій авторъ (Revue, стр. 336) дѣлаетъ, однако, къ этому оговорку, что «прохожденіе черезъ военную академію не считается безусловно необходимымъ для того, чтобы попасть въ большой генеральный штабъ... Офицеръ можетъ и помимо этого доказать свои способности какъ-либо иначе, на примѣръ, въ должности полковаго адъютанта или на полевой поѣздкѣ генеральнаго штаба. Но это связана съ большими затрудненіями... Офицеровъ, попадающихъ этимъ путемъ въ генеральный штабъ, очень немного: они исключеніе, подтверждающее правило». И обязательное прохожденіе черезъ академію, и возможность попасть въ генеральный штабъ помимо ея, согласуются, какъ видно изъ предыдущаго, съ выводами теоріи.

Въ академію, согласно французскому автору, поступает ежегодно 160 чел. (по г. О. Макшееву—150 ч.), отбираемыхъ по конкурсному экзамену изъ числа 700—800 чел., допущенныхъ къ нему. Каждый изъ этихъ 700—800 чел. долженъ представить въ академію аттестацію отъ корпуснаго командира, удостоверяющую, что онъ, помимо здоровья, аккуратности въ своихъ денежныхъ дѣлахъ и серьезнаго желанія учиться, обладаетъ блестящими способностями и такими качествами ума и характера, которыя позволяютъ рассчитывать на достиженіе имъ въ послѣдствіи самаго высокаго положенія въ арміи. Такимъ образомъ, еще до поступленія въ академію, производится довольно серьезный подборъ будущихъ слушателей ея. Послѣ трехлѣтняго пребыванія въ академіи на каждаго офицера составляется, помимо выдаваемого ему свидѣтельства объ оказанныхъ имъ успѣхахъ въ академіи, еще секретная аттестація, въ которой указывается, къ какому рода дѣятельности офицеръ болѣе всего способенъ—къ службѣ-ли генеральнаго штаба или топографической, штабной (адъютантура) или преподавательской. Число аттестуемыхъ пригодными для службы въ генеральномъ штабѣ мало измѣняется изъ года въ годъ, составляя 55—60 человекъ, т. е. около одной трети всего выпуска. Эти офицеры, вернувшись по окончаніи академіи наравнѣ съ прочими своими товарищами въ свои части, къ 1-му апрѣля слѣдующаго года прикомандировываются къ большому генеральному штабу; всѣ же остальные офицеры того же выпуска, слѣдовательно, около двухъ третей его, остаются навсегда въ строю.

Прикомандированные къ большому генеральному штабу занимаютъ тамъ сначала текущими дѣлами, а затѣмъ все болѣе и болѣе сложными работами преимущественно по тактикѣ, имѣющими цѣлью углубить и расширить ихъ познанія⁸⁾. Работы эти подъ конецъ ведутся уже подъ непосредственнымъ руководствомъ самого начальника большаго генеральнаго штаба, причемъ, какъ уже было упомянуто, критическія замѣчанія его излагаются письменно и служатъ предметомъ безконечныхъ споровъ и обсужденій въ кругу причастныхъ къ дѣлу лицъ. Помимо работъ по тактикѣ, прикомандированные изучаютъ тыловую службу, всесторонне знакомятся

⁸⁾ По выраженію французскаго автора «имѣющими цѣлью развитіе у офицеровъ сужденія, рѣшимости, привычку не бояться ответственности и умѣнье редактировать приказанія». Эти работы эти полезны для выработки правильныхъ взглядовъ и сужденій по вопросамъ тактики, а также умѣнья отдавать приказанія, это возможно; но чтобы, благодаря имъ, могли развиваться въ офицерѣ рѣшительность и готовность принять на себя ответственность, въ этомъ позволительно усомниться.

со всѣми видами довольствія войскъ, участвуютъ въ полевыхъ поѣздкахъ и составляютъ разнаго рода доклады и записки по отдѣльнымъ, самостоятельно разработаннымъ ими, военнымъ вопросамъ. Всѣ эти работы носятъ строго научный характеръ, будучи проникнуты доктриною большаго генеральнаго штаба, его научно выработанными взглядами на веденіе войны и управленіе войсками.

По прошествіи годичнаго срока прикомандированія къ большому генеральному штабу, офицеры, такъ сказать, сортируются, причемъ основаніемъ для сортировки служатъ выполняемые ими работы. Очень небольшое число ихъ переводится въ генеральный штабъ съ производствомъ въ капитаны: это тѣ изъ числа признанныхъ достойными перевода, которые пробыли въ чинахъ подпоручика и поручика максимальное число лѣтъ, при которомъ производство въ капитаны можетъ еще дать имъ старшинство надъ ихъ сверстниками въ строю на одинъ годъ. Другая, тоже небольшая, часть прикомандированныхъ частью возвращается навсегда въ строй съ нѣкоторыми преимуществами въ отношеніи производства, частью получаетъ назначеніе въ штабы (адъютантура) или преподавателями въ учебныя заведенія съ производствомъ въ капитаны. Но большая часть, обыкновенно болѣе сорока офицеровъ, слишкомъ молодыхъ, чтобы быть произведенными въ капитаны, остаются въ прикомандированіи къ большому генеральному штабу на второй годъ, по прошествіи котораго снова производится такая же сортировка, послѣ чего человекъ около 12 прикомандировывается къ большому генеральному штабу еще на третій годъ. Въ результатъ этого троекратнаго просѣиванія отъ всего ежегоднаго выпуска изъ академіи въ 160 человекъ только 20—25 офицеровъ оказываются переведенными въ генеральный штабъ. 20—25 человекъ изъ числа 700—800 экзаменованныхъ въ академію, самое допущеніе которыхъ «къ конкурснымъ испытаніямъ предполагаетъ со стороны ихъ начальниковъ очень высокую оцѣнку ихъ характера и служебныхъ достоинствъ и свидѣтельствуетъ, что эти офицеры обладаютъ всѣми желательными качествами физическими и духовными» (Revue, стр. 330)! И этотъ многократный строгій отборъ производится исключительно на основаніи оцѣнки ихъ знаній при поступленіи въ академію съ точки зрѣнія «широкаго, прочнаго и всесторонняго развитія на почвѣ смѣлаго и самостоятельнаго мышленія по всѣмъ отраслямъ общаго и военнаго образованія» (Э. Х. К., стр. 81) и ихъ научныхъ работъ во время прикомандированія къ большому

генеральному штабу! Такимъ образомъ, и въ этомъ отношеніи практика германскаго генеральнаго штаба блистательно подтверждаетъ выводы теоріи, что генеральный штабъ долженъ комплектоваться выборомъ изъ числа получившихъ высшее военное образованіе офицеровъ такихъ, которые отличаются научнымъ складомъ мышленія.

Если, какъ говоритъ теорія, специальность генеральнаго штаба—изученіе противника, въ мирное же время противника нѣтъ, то для генеральнаго штаба въ мирное время, очевидно, нѣтъ дѣла по его специальности, и, слѣдовательно, ему нѣтъ другого мѣста службы, кромѣ строя. Этотъ выводъ, однако, далеко не безусловенъ и нуждается въ значительныхъ поправкахъ. Для отдѣльныхъ войсковыхъ единицъ противника въ мирное время, конечно, не существуетъ, но «для вооруженной силы всей страны, какъ цѣлаго, противникъ всегда налицо, такъ какъ современное государство должно считать себя всегда накануне войны со своими сосѣдями. Поэтому, изученіе условій борьбы съ ними должно имѣть мѣсто и въ мирное время. Отсюда слѣдуетъ, что въ мирное время генеральный штабъ необходимъ только при верховномъ вождѣ, вѣдающемъ вооруженными силами всей страны» (Э. Х. К., стр. 91), т. е. необходимъ большой генеральный штабъ. Но затѣмъ оказывается, что въ современныхъ арміяхъ нуженъ въ большинствѣ случаевъ и войсковой генеральный штабъ, по крайней мѣрѣ, въ частяхъ, стоящихъ на границѣ (Э. Х. К., стр. 91—92). Наконецъ, сами условія подготовки генеральнаго штаба къ его специальной работѣ на войнѣ могутъ потребовать его службы и внѣ строя. Тѣмъ не менѣе, въ основѣ службы офицеровъ генеральнаго штаба въ мирное время должна лежать, какъ сказано выше, строевая служба. Строевой же службы требуютъ, съ другой стороны, и свойства предмета изученія противника. Изучать его приходится обыкновенно крайне несовершенными способами, доставляющими чаще всего недостаточныя, отрывочныя, несвоевременныя свѣдѣнія. Чтобы офицеръ генеральнаго штаба могъ и по нимъ правильно судить о противникѣ, надо, чтобы онъ былъ близко знакомъ съ мельчайшими деталями военнаго дѣла и съ ихъ значеніемъ въ общемъ строеніи и функционированіи вооруженной силы. Такого знакомства можно достигнуть лишь службою въ строю, откуда и вытекаетъ необходимость для офицера генеральнаго штаба строевой службы. «Но надо помнить, что эта служба для нихъ, по сравненію съ научной подготовкой, играетъ второстепенную, служебную роль, только совер-

шенствуя познанія, нужныя имъ для работы по ихъ специальности». (Э. Х. К., стр. 90).

Служба офицеровъ германскаго генеральнаго штаба построена именно на этихъ началахъ: въ мирное время это въ основѣ своей строевая служба, но оцѣнка офицера и, въ соотвѣтствіи съ этимъ, движеніе его по службѣ дѣлаются на основаніи его пригодности къ работѣ генеральнаго штаба. Получивъ основательную научную подготовку за время пребыванія въ академіи и въ прикомандированіи къ большому генеральному штабу, офицеръ послѣ 2—3 лѣтъ пребыванія въ штабѣ корпуса переводится въ строй, принимая роту, эскадронъ или батарею, смотря по роду войскъ, въ которомъ служилъ раньше, и переводится *окончательно, безъ права* обратнаго перевода въ генеральный штабъ. Но начальникъ большого генеральнаго штаба можетъ, по своему усмотрѣнію, во всякомъ случаѣ, однако, съ одобренія императора, брать изъ строя для службы въ генеральномъ штабѣ тѣхъ капитановъ, которыхъ считаетъ для этого наиболѣе пригодными, но лишь временно, съ тѣмъ, чтобы потомъ обязательно возвратитъ ихъ въ строй для командованія баталіономъ. Баталіонъ принимается также *окончательно*; офицеръ *не имѣетъ права* на переводъ въ генеральный штабъ, и продолжительность командованія баталіономъ, также какъ и ротой, совершенно неопредѣленная. Изъ числа бывшихъ офицеровъ генеральнаго штаба, командующихъ баталіонами, нѣкоторые, по усмотрѣнію начальника генеральнаго штаба и съ одобренія императора, могутъ быть снова призваны въ генеральный штабъ, но опять-таки съ тѣмъ, чтобы въ свое время принять полкъ и уже потомъ оставаться въ строю навсегда. Такимъ образомъ, переводъ изъ строя въ генеральный штабъ, даже временный, не составляетъ права германскаго офицера генеральнаго штаба и обязательнаго шага въ его карьерѣ, а зависитъ вполне отъ начальника большого генеральнаго штаба и дѣлается по его представленію, утверждаемому императоромъ. Служба же въ строю, командованіе ротой, баталіономъ, полкомъ и т. д., обязательна для всѣхъ офицеровъ генеральнаго штаба и не влечетъ за собою непремѣннаго перевода въ генеральный штабъ. Изъ этого видно, что въ мирное время служба въ строю—основная служба германскаго офицера генеральнаго штаба, обязательная для всѣхъ ихъ безъ исключенія; служба же въ войсковыхъ штабахъ и въ большомъ генеральномъ штабѣ по его специальности достается не всѣмъ офицерамъ генеральнаго штаба, а лишь тѣмъ изъ нихъ, которыхъ удостоитъ того начальникъ большого генеральнаго штаба.

Привлеченіе офицеровъ генеральнаго штаба изъ строя для службы по ихъ специальности въ большой генеральной штабъ и для штабной службы въ войсковые штабы имѣетъ цѣлю: удовлетворить нужды этихъ учреждений въ специалистахъ по службѣ генеральнаго штаба и создать для этихъ отборныхъ офицеровъ такія условія службы, которыя обезпечили бы имъ скорѣйшее сравнительно съ ихъ товарищами въ строю достиженіе высшихъ командныхъ должностей. Относительно первой здѣсь распространяться не приходится; выше была очерчена, въ общихъ чертахъ, работа, какъ большого, такъ и войскового генеральнаго штаба и выяснено, въ какой мѣрѣ эта работа можетъ быть отнесена къ специальности генеральнаго штаба. Значеніе же перевода офицеровъ генеральнаго штаба изъ строя въ штабы съ точки зрѣнія ускоренія производства ихъ можно будетъ усмотрѣть изъ нижеслѣдующей схемы служебной карьеры ихъ.

Такъ какъ въ строю офицеръ получаетъ чинъ капитана обыкновенно послѣ 17½ лѣтъ пребыванія въ чинахъ подпоручика и поручика, то въ академію офицеры допускаются съ такимъ расчетомъ, чтобы при выпускѣ ихъ изъ нея за ними числилось отъ 7 до 15 лѣтъ службы въ чинахъ подпоручика и поручика. Прикомандировавшись черезъ полгода къ большому генеральному штабу, самые старые изъ нихъ, т. е. имѣющіе 15½ лѣтъ службы въ офицерскихъ чинахъ, черезъ годъ переводятся въ генеральный штабъ съ производствомъ въ капитаны, выигрывая, такимъ образомъ, передъ своими сверстниками въ строю одинъ годъ старшинства (болѣе молодые офицеры могутъ выиграть даже 2 года). Въ чинѣ капитана офицеръ генеральнаго штаба, пробывъ нѣкоторое время въ большомъ генеральномъ штабѣ, попадаетъ прежде всего въ штабъ корпуса и остается здѣсь 2—3 года, послѣ чего получаетъ роту, эскадронъ или батарею, смотря по тому, въ какомъ родѣ войскъ онъ служилъ до академіи. Продолжительность этого командованія не установлена: она зависитъ отъ усмотрѣнія начальника большого генеральнаго штаба, равно какъ и то, будетъ-ли офицеръ вообще вновь призванъ на службу въ генеральный штабъ. Обыкновенно обратный переводъ капитана въ генеральный штабъ, если онъ будетъ рѣшенъ начальникомъ генеральнаго штаба, имѣетъ мѣсто послѣ, примѣрно, трехлѣтняго командованія ротой, эскадрономъ или батареей. Капитанъ поступаетъ тогда либо въ большой генеральный штабъ, либо, что бываетъ чаще всего, въ штабъ дивизіи и, такъ какъ производство въ майоры идетъ по линіи генеральнаго

штаба, гдѣ по штатамъ число майоровъ значительно превышаетъ число капитановъ, то онъ скоро попадаетъ въ штабъ-офицеры. Производство въ майоры даетъ ему еще три, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже до 5 лѣтъ старшинства надъ сверстниками, оставшимися въ строю, такъ что онъ обгоняетъ ихъ въ общей сложности года на 4—6; и такъ какъ, начиная съ чина майора, производство идетъ уже по всей арміи, то добытое съ такимъ трудомъ старшинство уже не можетъ быть имъ утрачено.

Въ чинѣ майора офицеръ генеральнаго штаба служитъ либо въ большомъ генеральномъ штабѣ, либо въ штабѣ корпуса, а иногда и въ штабѣ дивизіи; но черезъ нѣсколько лѣтъ уходитъ опять въ строй для командованія баталіономъ. Съ принятіемъ баталіона большинство заканчиваетъ свою карьеру въ генеральномъ штабѣ, и лишь немногіе, признанные особенно способными для службы въ генеральномъ штабѣ, возвращаются въ него на должности либо начальника штаба корпуса, либо начальника отдѣленія въ большомъ генеральномъ штабѣ (послѣдніе всѣ подполковники, а изъ 23-хъ начальниковъ штабовъ корпусовъ въ настоящее время восемь подполковниковъ, 14 полковниковъ и 1 генераль-майоръ). Для производства въ генераль-майоры полковникъ генеральнаго штаба долженъ принять полкъ, и затѣмъ уже его карьера продолжается въ строю, такъ какъ въ генеральномъ штабѣ имѣется всего лишь пять генеральскихъ должностей — оберъ-квартирмейстеры большого генеральнаго штаба, да развѣ еще въ совершенно исключительныхъ случаяхъ генераль-майоръ занимаетъ должность начальника штаба корпуса (въ настоящее время только начальникъ штаба гвардейскаго корпуса состоитъ въ этомъ чинѣ)⁹⁾.

Конечно, изъ теоріи нельзя вывести того примѣненія перевода офицеровъ генеральнаго штаба изъ строя въ штабы, которое установлено въ германской арміи въ видахъ ускоренія движенія ихъ по службѣ; но выведенная изъ теоріи естественность и необходимость службы ихъ въ строю въ мирное время вполне подтверждается примѣромъ германскаго генеральнаго штаба: это основная служба его офицеровъ, отъ которой они лишь временно отвлекаются для службы штабной и по своей специальности. Послѣдній родъ службы также предусматривается теоріей, которая установ-

⁹⁾ Всѣ эти данныя о прохожденіи службы германскимъ офицеромъ генеральнаго штаба взяты мною изъ цитированной уже статьи «La carrière de l'officier d'état-major allemand» въ ноябрьской книжкѣ французскаго журнала «Revue militaire des armées étrangères» за 1910 годъ.

ливааетъ его необходимость и въ мирное время, когда, казалось бы, нѣтъ противника. Такимъ образомъ, и въ вопросѣ объ отношеніяхъ генеральнаго штаба къ строю практика германскаго генеральнаго штаба очень близко совпадаетъ съ требованіями теоріи.

Въ заключеніе я позволю себѣ указать еще на одно замѣчательное совпаденіе выводовъ теоріи съ данными, которыя представляетъ практика германскаго генеральнаго штаба: я говорю о независимомъ положеніи начальника генеральнаго штаба отъ военнаго министра и непосредственномъ подчиненіи его императору. Этому вопросу посвящена мною особая статья въ «Развѣдчикѣ» отъ 23-го февраля 1910 года за № 1008 («Наша печать и независимость генеральнаго штаба») и страницы 85—88 моей книги: «Генеральный штабъ и его специальность»; я не буду повторять сказаннаго въ нихъ. Упомяну лишь, что сами германцы блестящее развитіе своего генеральнаго штаба связываютъ именно съ его независимымъ ни отъ кого положеніемъ; и дѣйствительно, какъ показываетъ теорія, безъ этого условія правильное функционированіе генеральнаго штаба врядъ ли достижимо.

Я полагаю, что въ настоящей статьѣ мнѣ удалось достаточно убѣдительно показать полное совпаденіе данныхъ, представляемыхъ германскимъ генеральнымъ штабомъ, съ выводами теоріи, изложенными въ моей книгѣ «Генеральный штабъ и его специальность»; существующіе же пункты разногласія между ними не имѣютъ существеннаго характера, а вызываются практическими требованіями и условіями, которымъ подчинено всякое практическое дѣло и предусмотрѣть которыя теорія бессильна. Во всѣхъ же основныхъ положеніяхъ практика германскаго генеральнаго штаба, повторяю, вполне подтверждаетъ выводы изъ положенія, что специальность генеральнаго штаба—изученіе противника. И потому я никакъ не могу согласиться съ мнѣніемъ г. Θ. Макшеева, что «жизнь эту теорію отвергаетъ, и не по рутинѣ, а потому, что теорія эта фальшива, нежизненна». Мнѣ кажется, наоборотъ: теорія эта вѣрна и жизненна, и, что особенно интересно, г. Θ. Макшеевъ, самъ того не замѣчая, соглашается съ нею.

Въ № 10 «Извѣстій Императорской Николаевской военной академіи», на стр. 859, въ коротенькомъ заключеніи онъ, какъ выводъ своей статьи, даетъ свое опредѣленіе специальности германскаго генеральнаго штаба, придавая ему затѣмъ распространительное толкованіе, какъ специальности генеральнаго штаба вообще. Г. Θ. Макшееву посчастливилось въ томъ отношеніи, что неизвѣстный

авторъ выбралъ предметомъ своей статьи въ журналѣ «Ueberall» именно германскій генеральный штабъ, организованный на началахъ, вполне соответствующихъ, какъ показываетъ теорія, сущности современнаго военнаго дѣла; если бы ему вздумалось вмѣсто того описать, напимѣрь, нашъ генеральный штабъ, выводы можно бы было получить, надо думать, совершенно иные. Теперь же г. Θ. Макшеевъ выводитъ, что «специальность германскаго генеральнаго штаба заключается въ вожденіи войскъ, разумѣется, на войнѣ», что «онъ важнѣйшій органъ вожденія войскъ». Я никакъ не поставилъ бы рядомъ оба эти опредѣленія, такъ какъ первое можетъ относиться только къ вождю, начальнику, для котораго вожденіе войскъ и составляетъ его дѣло, такъ сказать, его специальность; г. Θ. Макшеевъ далъ это опредѣленіе, вѣроятно, просто по недосмотру. Отбросивъ его, мы за выводъ изъ статьи г. Θ. Макшеева, сдѣланный имъ самимъ, можемъ считать, что генеральный штабъ «важнѣйшій органъ вожденія войскъ»; прибавимъ къ этому и оговорку: «разумѣется, на войнѣ», взявъ ее изъ перваго опредѣленія. Къ этому опредѣленію г. Θ. Макшеевъ считаетъ нужнымъ дать нѣсколько поясненій въ родѣ того, что «генеральный штабъ есть главнѣйшій освѣдомительный и распорядительный органъ начальника по боевому употребленію войскъ» и т. п. Я не стану останавливаться на разборѣ ихъ: это завело бы меня слишкомъ далеко, такъ какъ всѣ эти поясненія неточны и требуютъ поправки¹⁰⁾; да и самъ авторъ сознается, что «сказанное здѣсь въ нѣсколькихъ словахъ, конечно, слишкомъ обще». Ограничимся поэтому указаннымъ выше выводомъ г. Θ. Макшеева, что генеральный штабъ «важнѣйшій органъ вожденія войскъ... разумѣется, на войнѣ», и обратимся опять къ теоріи.

Вопросу объ отношеніяхъ между специальностью генеральнаго штаба и вожденіемъ войскъ, командованіемъ, посвящена въ моей книгѣ вся 3-я глава ея, стр. 35—48. Она заканчивается выводомъ, что «специальность генеральнаго штаба, ограниченная изученіемъ противника, по существу своему дѣлаетъ его важнѣйшимъ органомъ командованія на войнѣ и ближайшимъ помощникомъ начальника въ рѣшеніи выпадающихъ на него въ военное время задачъ. Это, дѣйствительно, важный вспомогательный органъ начальника по управленію и командованію войсками, органъ всеобъемлющаго, если хотите, значенія, какимъ мы привыкли себѣ

¹⁰⁾ Напимѣрь, только что цитированное опредѣленіе генеральнаго штаба съ большимъ правомъ, пожалуй, можетъ быть отнесено къ штабу вообще.

его вообразать, но только при томъ пониманіи управленія войсками, какое соотвѣтствуетъ *условіямъ военнаго времени*» (стр. 47) Не правда ли, какъ поразительно близокъ этотъ выводъ теоріи съ выводомъ г. Ө. Макшеева изъ «дѣйствительныхъ фактовъ»? Сопаденіе ихъ вполне вознаграждаетъ меня за упреки г. Ө. Макшеева по моему адресу въ началѣ его статьи, будто у меня предвзятая теорія, фальшивая и нежизненная, а факты, которыми я пытался подтвердить ее, подогнаны и получаютъ ложное освѣщеніе. Теперь г. Ө. Макшеевъ самъ привелъ факты, далъ имъ правильное освѣщеніе и сдѣлалъ изъ нихъ выводъ, который... совпалъ съ моимъ. Да такъ оно и должно быть: сдѣланный выше анализъ организаци и службы германскаго генеральнаго штаба показалъ, что факты подтверждаютъ выводы теоріи, и потому г. Ө. Макшееву при всемъ его желаніи такъ и не удалось на основаніи этихъ фактовъ придти къ выводу, отличному отъ моего.

Нѣтъ, теорія вѣрна и жизненна, когда она утверждаетъ и доказываетъ, что спеціальность генеральнаго штаба—изученіе противника. Если же она тѣмъ не менѣе отвергается, то, вопреки г. Ө. Макшееву, не потому, что она фальшива или нежизненна, а именно по рутинѣ, по мертвящей рутинѣ, по робкости и косности мысли.

Э. Х. Калнинъ.

